

**ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В
ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СФЕРАХ
В XVIII – XIX ВВ.**

Аннотация. В статье исследуются процессы адаптации восточнославянского населения Центрального Предкавказья в новом хозяйственно-экономическом и социо-культурном пространстве. Автор также рассматривает факторы, способствующие активизации контактов переселенцев с коренными народами региона, а также некоторые аспекты их взаимоотношений, что облегчало адаптационные процессы.

Ключевые слова: адаптация, взаимоотношения, Северный Кавказ, горцы, казаки, крестьяне, торговые сношения, хозяйственный опыт, заимствование, Кавказская война.

Варивода Наталья Владимировна

ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Научный сотрудник сектора новейшей истории

360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

e-mail: variks1@yandex.ru.

Во второй половине XVIII века в связи с активизацией политики Российской империи на Северном Кавказе усиливается русская колонизация региона. С 70-х гг. XVIII в. Россия начинает создавать Кавказскую линию, стремясь тем самым прочно закрепиться в регионе, рассматривая как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного кавказского казачества. Так, в документах того времени отмечалось, что «единственно

надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением»¹.

Оказавшись на Северном Кавказе, казаки вынуждены были приспособливаться к новому хозяйственно-экономическому и социокультурному пространству. Процессы адаптации проходили сложно, но им способствовали те контакты, которые переселенцы устанавливали с местными жителями. В.Л. Величко справедливо заметил, что если пересадить дерево в чуждую ему почву, то оно постепенно переродится и изменится в отношении внешности и плодов. «Не подлежит сомнению, что такой перемене подвержен и человек»². Это высказывание подтверждает домашний уклад быта и характер казака, который сохранял на себе отпечаток любопытного соединения чисто русских основ с основами «азиатскими».

Стихийная колонизация отдельных территорий Северного Кавказа на ранних этапах не приводила к серьезным столкновениям между горцами и выходцами из России. Но форсирование правительством с XVIII в. колонизации привело к возникновению принципиально новых условий взаимодействия столь различных культур, что осложняло их постепенную адаптацию друг к другу. Однако и в этих условиях общение русских переселенцев с горцами не прекращалось. Даже во время Кавказской войны продолжало развиваться хозяйственное и культурное взаимодействие русских с коренными народами. Укреплялось экономическое сотрудничество между русским населением и местным, росла торговля.

Торговые сношения казаков с Кабардой всегда были активными. В казачьи городки приезжали кабардинские уздени и владельцы. В 1745 г. атаман гребенцов сообщал в Астрахань, что, в свою очередь, «казаки часто ездят в Кабарду и горские жилища». Так, он рассказывает о поездке казаков Каргалинской станицы в Кабарду: «А для меня при них имеются рыбы 500 спинок, икры 30 кулей, соли 8 пудов. В пути к ним присоединились гребенские казаки, и дальнейший путь они совершили вместе до сказанной

Кабарды, для той означенной мены хлеба, платья, воску»³. В Кабарде казаки особенно часто покупали лошадей под верховую езду, так как лошади кабардинской породы очень высоко ценились. В свою очередь и кабардинцы весьма активно торговали с русским населением. Причем Россия придавала торговле с Кабардой немаловажное значение. Так, в рапорте кизлярского коменданта Н.А. Потапова говорится о мерах по развитию через Кизляр торговли с кабардинцами⁴. В XVIII веке главными пунктами торговли с горцами стали новые русские города на Тереке – Кизляр и Моздок.

Несмотря на строгие запреты, связанные с меновой торговлей, горцы скрыто входили в непосредственные контакты с русскими. Офицер Головин сообщал в 1842 г. «о проложенных малокабардинцами и казаками через Терек по льду дорогах и производимой между ними торговле»⁵. В феврале 1848 г. смотритель Прохладненского менового двора писал, что «жители Прохладной станицы продают секретно соль приближенным горцам кабардинским жителям, тогда как для этих народов существует здесь казенный магазин, из которого в настоящее время расхода соли почти не бывает»⁶. С 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп купцу первой гильдии Крутицкому⁷. Откупная система еще более сковывала развитие торговых сношений русских с горцами. Поэтому горцы предпочитали свободную торговлю строго регламентированной меновой торговле.

В ходе тесных отношений казаков и кабардинцев происходил взаимный обмен хозяйственным опытом, заимствование различных элементов культуры. Гребенские казаки в земледелии использовали кабардинский плуг, осваивали новые сроки посева и уборки, долго выращивали просо, как основную зерновую культуру, разводили скот кабардинской породы, приспособленный к местным природно-климатическим условиям. В системе жизнеобеспечения кабардинские элементы просматриваются в употреблении казаками «пасты» (густого пшена), строительстве турлучных жилищ. В то же время русские переселенцы способствовали развитию на Северном Кавказе садоводства и огородничества, строительных навыков и т.д.

В контактной зоне взаимообогащение традиционной русской и северокавказской культур происходило и в военно-бытовой сфере. Все полезное и необходимое в области военного искусства вольные казаки перенимали у своих соседей. Так, казаки ценили кабардинское оружие, конское снаряжение. Лошади у казаков, как правило, были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Военное воспитание, игры, скачки, выправку и все приемы наездничества казаки заимствовали также у горцев. Кавказская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. Заимствуя у горцев форму одежды, казаки прекрасно понимали, что таковая возникла не по произволу, а является следствием векового боевого и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в походных условиях. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, – пишет М. Арнольди, – находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещегооляли черкесов»⁸.

В установлении мирных, добрососедских отношений между горцами и казаками немалую роль играли беглецы из среды кавказских народов. Горские крестьяне находили у казаков приют, хороший прием, волю и свободу, возможность трудиться на себя. Естественно, что в русских крепостях и казачьих городках с их смешанным русско-северокавказским населением взаимное проникновение различных элементов культуры и быта было более интенсивным и стабильным.

«Инородческий» элемент вливается в казачью среду особенно активно в XVIII – XIX вв., когда царское правительство, стремясь восполнить численность, переводит в казаки отдельные группы кавказских народов. В 1765г. в Моздоке сформирована казацкая команда из числа беглых осетин и

кабардинцев. Семьи этих казаков составили в Моздоке свободное общество под названием «казачьей братьи». Один из семейства переселенцев записывался в казаки и тем самым избавлял остальных членов семьи от возврата прежним владельцам⁹.

Ценные сведения о процентном отношении казаков – «иноверцев» в полках Терского войска даёт С. Писарев. По этим данным численность коренного населения была наиболее высокой в Кизляро-Гребенском полку¹⁰. Это объясняется тем, что образование кизляро-гребенских станиц произошло в конце XVI – первой половине XVIII в., когда особенно упрочились дружественные отношения между казаками и местными народами.

Весьма заметную роль во взаимоотношениях между казаками и местными народами играла женщина. Горские, гребенские казаки в силу того, что изначально представляли исключительно мужское население роднились с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду инородческие элементы, и в результате появился особый генотип – гребенской казак. Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. А.Ф. Щербина отмечал, что «... русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе»¹¹. Отношения между членами семьи у казаков носили ярко выраженный патриархальный и авторитарный характер, как это было принято в традиционных кавказских семьях. Команды старшего в семье и даже наказание никогда не подвергались сомнению. Разводы у терцев были очень редкими. Это можно объяснить особым престижем брака у казаков, более высоким социальным статусом семейного человека в станицах и, несомненно, влиянием горских народов, где разводы также были крайне редкими.

Если казачки становились женами кавказских горцев, это происходило, в основном путем, похищения, а не традиционного для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксинье, вышедшей

из плена «с грудным детем», лет 40-ка, которая «разговор по-русски мало знает»¹². Видимо, она была похищена маленькой девочкой и за 30–35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык. Такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы.

Межэтнические браки наряду с укреплением экономических и культурных связей между казаками и горцами способствовали складыванию традиций куначества – этого своеобразного обычая кавказского побратимства. Он связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Этот институт имел двойное значение: социальное, для укрепления социальной стабильности в обществе, и этническое, для установления и поддержания межэтнических контактов. Оно было так прочно усвоено казаками, что стало составной частью их стереотипа поведения. Проявлением дружественных связей между казаками и кабардинцами можно считать и общую практику такого древнего семейно-общественного института, как аталычество.

В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи. Конфликт, в который они были вовлечены, являлся своеобразной формой межэтнического контакта, в ходе которого «происходило сопоставление-противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность, стадийный уровень и пр.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры»¹³. Ментальность казаков была очень близка к кавказским народам. Это и присущая им воинственность, независимость характера, главенство мужчины в семье и др. Эта схожесть, с одной стороны давала почву для конфликтов на бытовой почве, а с другой стороны и помогала их сближению.

Новый этап в заселении региона приходится на 60-е годы XIX в., которые ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северного Кавказа,

куда в эти годы усиливается массовое переселение, достигшее апогея в конце XIX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Этот этап заселения края совпал с «экономическим завоеванием» Кавказа.

С переселением большого числа русского населения в Предкавказье еще более заметным стало хозяйственное заимствование и взаимовлияние культур. Под влиянием русских крестьян, поднимающих целину в предкавказских степях, земледельческая культура стала шире распространяться и в предгорной зоне Северного Кавказа. Горские народы стали увеличивать посевы, перенимать от русских более совершенные приемы полеводства, более высокую технику земледелия, стали применять озимые посевы, высевать новые для них культуры (гречиху, рожь, подсолнухи). «Кабардинцы... стали сеять хлеб вместо одного проса, иные завели даже плуги, сакли и усадьбы их улучшились, и вообще хозяйство многих кабардинцев стало приближаться к русскому»¹⁴. Семена для посева кабардинцы покупали или получали в подарок от русских крестьян. Постепенно обогащалась и сельскохозяйственная техника горцев: у русских соседей заимствовали более совершенные фабричные орудия труда – плуг, борону, «литовку».

Под влиянием общения с русским населением и расширения рыночных связей происходило дальнейшее развитие горских кустарных промыслов, которые в большей степени стали приобретать характер ремесла. Особенно это относится к производству бурок, черкесок, оружия, ювелирных изделий.

У коренных народов происходили перемены в области домашнего обихода, построек. В результате общения с русским населением вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, железная кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы и другие бытовые предметы. У некоторых народов сама комната с печью стала называться «печ». Крышу стали покрывать черепицей или жостью. Строили такие дома обычно русские

плотники, печи клали русские печники, которые приходили на заработки в горские аулы. «Кабардинцы – говорилось в корреспонденции газеты «Кавказ» за 1848 г., – особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение... Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания»¹⁵.

В свою очередь, в постройках русского населения прослеживается горское влияние. Оно проявлялось в самом характере построек, их внешнем виде, технике строительства. Например, жилища с плоскими крышами из турлука, самана, глины, камня. Горское влияние ощущалось и в интерьерах русских жилищ. По словам И. Попко, «по стене было развешано оружие и доспехи, в углу горкой возвышались постели и одеяла, сложенные на кавказский манер ровными кипами; на полочках красовалась медная посуда...»¹⁶.

Таким образом, с появлением русских переселенцев на Северном Кавказе, между ними и горцами налаживаются устойчивые взаимоотношения, основанные на хозяйственном и культурном взаимодействии. Культура русских, как и местного населения, оказалась достаточно динамичной и пластичной, что позволило ей благополучно адаптироваться в новом природном окружении и социуме.

Примечания

¹ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т.12.Тифлис, 1904. №589.

² Величко В.Л. Кавказ. Баку, 1990. С. 186.

³ Цит. по: Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик, 1994. С. 25.

-
- ⁴ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. М., 1957. Т.2. С. 246.
- ⁵ ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 163. Л. 23-24; Оп. 2. Д. 42. Л.2.
- ⁶ ЦГА КБР. Ф. И-49. Оп.1. Д.4. Л. 26.
- ⁷ Чекменев С.А. Переселенцы. Пятигорск, 1994. С.72.
- ⁸ Цит. по: Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С.241.
- ⁹ Голованова С.А. «Иностранцы» в этнокультурном пространстве казаков Терека // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции. М.- Ставрополь, 2001. Ч. 2. С. 253.
- ¹⁰ Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877. Владикавказ, 1881. С. 43.
- ¹¹ Цит. по: Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 63.
- ¹² Цыбулькинова А. А. Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. URL: <http://www.aheku.org/page-id-3521.html> (дата обращения 10.08.2013).
- ¹³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII- XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 225.
- ¹⁴ Цит. по: Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С.100.
- ¹⁵ Кавказ. 1848. №22.
- ¹⁶ Попко И. Казаки с стародавних времен. СПб., 1880. Т.1. С.122.

**The processes of adaptation of the East-Slavonic population of the
Central Ciscaucasia in economic and cultural spheres
in XVIII – XIX centuries**

Annotation. The article examines the processes of adaptation of the East Slavonic population of the Central Ciscaucasia in a new economic and socio-cultural space. The author also examines the factors contributing to the increase of immigrants with the indigenous peoples of the region, as well as some aspects of their relationship, which contributed to adaptation processes.

Key words: adaptation, the interrelation, North Caucasus, the mountaineers, the cossacks, peasants, commercial relations, economic experience, adoption, Caucasian war.

Varivoda Natalia Vladimirovna

Federal State Budget Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies»

Researcher in modern history

360000, Nalchik, Pushkin Str., 18

e-mail: variks1@yandex.ru.